

УДК 81'37(045)

Мартысюк Н.П.
(Минск, Беларусь)

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

У статті здійснено аналіз існуючих підходів до визначення ефективної комунікації. Природу ефективної комунікації розглянуто в аспектах продукування і смислового сприйняття мовлення.

Ключові слова: *ефективна комунікація, ідеальна комунікація, комфортна комунікація, конфліктна комунікація, перлокуція-пояснювання, перлокуція-оцінювання, перлокуція-інтерпретація, семантика повідомлення/тексту.*

Статья представляет собой анализ существующих подходов в определении эффективной коммуникации. Природа эффективной коммуникации рассматривается в аспектах порождения и смыслового восприятия речи.

Ключевые слова: *эффективная коммуникация, идеальная коммуникация, комфортная коммуникация, конфликтная коммуникация, перлокуция-объяснение, перлокуция-оценка, перлокуция-интерпретация, семантика сообщения/текста.*

The article represents the analysis of different approaches to the definition of effective communication. The nature of effective communication is considered in the aspects of production and sense perception of speech.

Key words: *effective communication, ideal communication, comfort communication, conflict communication, perlocution-explanation, perlocution-evaluation, perlocution-interpretation, text/message semantics.*

В статті нам би хотелось рассмотреть некоторые проблемы, возникающие при терминировании степени результативности речевого взаимодействия. С этой целью мы намерены дать наше представление об эффективной коммуникации в аспектах продуцирования и смыслового восприятия речи.

Прежде всего обратим внимание на те факторы, которые оказываются ответственными за прагматическую и семантическую эффективность коммуникации. Под прагматической эффективностью коммуникации мы понимаем способность универсальных уровней иллокутивной силы – субъективности, адресности, мотивированности и интенциональности речи – содействовать адекватному восприятию сообщения. В то же время эти прагматические уровни трактуют показатель иллокутивной силы как семантическую единицу, которая на уровне сообщения ответственна за эффективность взаимодействия субъектов-говорящих, при условии, что те правильно оценили все составляющие инте-

© *Мартысюк Н.П., 2011*

рации. Таким образом, под семантикой сообщения следует понимать способность сообщения производить заданный эффект на адресата.

Не имея возможности дать подробный обзор работ по вопросам, связанным с эффективной коммуникацией, ограничимся обсуждением лишь того принципиально важного для нас факта, как синонимичность понятий ‘эффективная коммуникация’, ‘успешная коммуникация’, ‘оптимальная коммуникация’, ‘адекватное восприятие’, ‘понимание’, ‘взаимопонимание’ как понятий, символизирующих положительный исход речевого общения, в смысле – не приводящий к конфликту. Настаивая на том, что степень результативности общения (положительная или отрицательная) явно шире положительного исхода коммуникации, мы разводим понятия эффективной коммуникации и прочих, указанных выше. К тому же, опираясь на собственные исследования, мы можем утверждать, что как конфликтная, так и неконфликтная коммуникация могут привести к совершенно противоположным результатам: конструктивному и деструктивному соответственно, и даже к нулевому [1].

Вопрос об эффективной коммуникации, в частности, анализ ее закономерностей и систематизации правил, трудно отнести к числу малоразработанных: традиционно отсчет ведется от античных времен и аристотелевской концепции риторики (см. подробный обзор у Г.Н. Третьяковой [2]). Однако, как представляется, современным подходам к определению эффективности коммуникации не достает единства в понимании базовых терминов, являющимися близкими, но не тождественными, и комплексного учета факторов, влияющих на исход общения. Здесь мы согласны с Е.В. Клюевым, который считает, что при анализе эффективности общения нередко абсолютизируется показатель достижения целей коммуникантов и не учитывается ряд экстралингвистических факторов [3].

Таким образом, попытка постичь природу этого явления неизбежно приводит к постановке вопроса: Какой аспект коммуникации изучается: порождение или смысловое восприятие? Ясно, что прежде всего – аспект речепроизводства, поскольку фактор субъекта-говорящего, инициатора общения, более доступен наблюдению и интерпретации, чем фактор слушающего, как с позиции интерпретатора текста, так и с позиции участника общения. Что же тогда представляет собой эффективная речь говорящего? Это речь, как нам известно, при помощи которой автор добивается поставленной цели. Соответственно, с точки зрения говорящего под эффективностью общения исследователи понимают положительный исход коммуникации (в терминологии Дж. Л. Остина, ‘гладкий’, ‘успешный’ [4: 32]). Уже сразу интуитивно видна ограниченность данного мнения. “Положительный, – как указывает словарная дефиниция, – это “заслуживающий одобрения, полезный и существенный” [5: 555]. Иными словами, полученная информация всегда должна быть одобрена адресатом и интерпретирована как полезная и необходимая. Назовем такую коммуникацию идеальной. Но так ли это на самом деле? Какова доля идеальных, с точки зрения субъекта-говорящего, эпизодов общения в отдельно взятом законченном, цельном и связном знаковом образовании, например, в художественном тексте как проекции реальной действительности?

Для того чтобы ответить на этот вопрос мы провели небольшой эксперимент. Материалом послужили два наугад отобранных англоязычных рассказа разного объема, изолирующие интерактивными эпизодами: Е. Gilchrist “The Stucco House” (0,5 п.л.) и S. Dobyns “So I Guess You Know What I told him” (0,7 п.л.) [6].

нашем эксперименте приблизительно одинаковыми показателями (57% и 41,7% соответственно). Следовательно, эффективную коммуникацию в аспекте производства речи можно определить как достижение *желаемого* результата, т.е. прогнозируемой перлокуции. Степень желаемого результата может варьировать по оси 'плюс' и 'минус' относительно идеального речевого события.

Представление об эффективной коммуникации в аспекте речепроизводства неизбежно предполагает наличие получателя речи, а в терминологии М.М. Бахтина – конститутивной единицы диалогических отношений, или ответного понимания [7: 304–306], которое может проявляться вербально, невербально и вербально-невербально. Исходя из того, что вербальная коммуникация является непременным условием экспликации ответного понимания, то за основу рассмотрения этой категории мы берем интерактивные процессы приема и переработки вербальной информации. А поскольку невербальная и вербально-невербальная манифестации ответного понимания не входят в задачи данной работы, то ограничимся лишь общеизвестными примерами этих проявлений понимания: в знак приветствия мы можем либо кивнуть, либо кивнуть и произнести: “Здравствуйте”.

Начнем с того, что мы квалифицируем ответное понимание как индекс опознания вербализованного коммуникативного намерения адресанта. Заметим также, что еще В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, размышляя по поводу апперципирующей способности языка, поднимали вопрос об эффективном или адекватном восприятии сообщения в виде речевых процедур объяснения, интерпретации и оценки, которые складываются непосредственно в ходе реального общения. Таким образом, можно утверждать, что ответное понимание проявляется в виде следующих перлокуций: объяснения, интерпретации и оценки – маркеров эффективно воспринятого сообщения. А точнее, речемыслительных процедур “осмысления текстов и иных объектов знаковой и незнаковой природы” [8: 26], придающих целостность смысловому восприятию речи. Наш анализ проявлений ответного понимания в виде перлокуций объяснения, интерпретации и оценки, протекающих в режиме реального времени (в соответствии с принципом единства времени, места и действия) позволяет определить их как речевые события, актуализирующие смысловые образы полученной информации, однако в разной степени. Если объяснение можно рассматривать как “пассивный” речевой процесс истолкования семантики полученного сообщения, то есть как способ адекватного вербального воспроизведения коммуникативной установки говорящего, то интерпретацию и оценку – как речевые процессы творческого истолкования семантики воспринятого сообщения, различающихся, тем не менее, степенью интеллектуально-мыслительной и познавательной деятельности. Так, под интерпретацией мы понимаем умозаключение, выстроенное на основе воспринятой информации и “пропущенное через предшествующий опыт” адресата [9: 93], а под оценкой – понятие более высокого порядка: умозаключение, выстроенное на основе сравнения полученного сообщения с некоторыми социальными нормами, связанными с прагматическим содержанием языкового знака. Иными словами, оценка – это истолкование, регулируемое не только структурой проблемной области и коммуникативными целями, но и иерархиями ценностей, культурными, этническими и социально-психологическими императивами. Получается, что и объяснение, и интерпретация, и оценка выступают не только как элементы речевого взаимодействия, демонстрирующие ответное понимание, но и как локуции, синтезирующие все уровни коммуникативной компетенции адресата,

в которых вырабатывается интенция действовать согласно со своими интересами и интересами партнера по коммуникации. Поэтому, анализируя эффективность коммуникации в таком ключе, мы считаем правомерным расценивать взаимопонимание, недопонимание или сверхпонимание как стратегии достижения желаемого исхода коммуникации. При этом взаимопонимание и эффективная коммуникация – понятия хоть и синонимичные на уровне иллюстрации, поскольку предполагают целенаправленное, однако на уровне перлокуции, учитывая различные степени выражения ответного понимания, не взаимозаменяемые.

Итак, коснувшись по преимуществу отдельных проявлений эффективности коммуникации с позиций ее участников, мы, как и многие наши предшественники, приходим к выводу, что она – намеченный результат коммуникативного взаимодействия. А воплощенный в тексте сообщения семантико-прагматический потенциал взаимодействия, по меньшей мере, двух речемыслительных сознаний позволяет оценивать ее и как прогнозируемый исход, и как корректную интерпретацию интенционального состояния собеседника в виде речевых действий объяснения, интерпретации и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартысюк Н.П. Стратегии речевого поведения как отражение гендерных социальных ролей (в ситуации конфликта) : дис. ... к-та филол. наук : 10.02.04. – германские языки / Н.П. Мартысюк. – Минск, 2001. – 127 л.
2. Третьякова Г.Н. Вариативность в аспекте эффективности коммуникации: Монография / Г.Н. Третьякова – Мн. : МГЛУ, 2003. – 406 с.
3. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е.В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
4. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / пер. с англ. А.А. Медникова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 22–129.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. The Best American Short Stories 1995 / selected by J. Smiley and K. Kenison. – Boston, N.-Y. : Houghton Mifflin Company, 1995. – 366 p.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
8. Нишанов, В.К. Коммуникативная и когнитивная природа понимания / В.К. Нишанов. – М. : ИНИОН, 1989. – 47 с.
9. Кубрякова, Е.С. Текст – проблемы понимания и интерпретации Е.С. Кубрякова // Семантика целого текста: тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987г.) / Отв. ред. А.П. Василевич. – М. : Наука, 1987. – С. 93–94.